Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Масруре и ибн аль-Кариби

Рассказывают, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью испытывал сильное беспокойство. И сказал он своему везирю Джафару ибн Яхье Бармакиду: "Я сегодня ночью не сплю, и моя грудь стеснилась, и я не знаю, что делать". А его евнух,

Масрур, стоял перед ним, и он засмеялся. И халиф спросил его: "Чему ты смеешься? Смеешься ли ты из презрения ко мне, или потому, что ты одержимый?" И Масрур отвечал: "О повелитель правоверных..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четырехсотая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Харун ар-Рашид спросил Масрура-меченосца: "Смеешься ли ты из презрения ко мне, или потому, что ты одержимый?" И Масрур отвечал: "Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных! Клянусь своей близостью к господину посланных, я сделал это не по своей воле. Я вышел вчера из дворца пройтись и дошел до берега реки Тигра и увидел, что собрался народ. Я остановился и увидел человека, который смешил людей, и зовут его ибн аль-Кариби. И теперь я вспомнил его слова, и меня одолел смех, и я прошу у тебя прощенья, о повелитель правоверных". - "Ко мне его сию же минуту!" - воскликнул халиф. И Масрур поспешно вышел и пришел к ибн аль-Кариби и сказал ему: "Отвечай повелителю правоверных". - "Слушаю и повинуюсь!" - ответил ибн аль-Кариби. И Масрур сказал ему:

"Но с условием: когда ты придешь к халифу и он пожалует тебе что-нибудь, то четверть из этого будет твое, а остальное мое". - "Нет, тебе половина и мне половина", - сказал ибн аль-Кариби. Но Масрур отвечал: "Нет!"

И тогда ибн аль-Кариби сказал: "Тебе будет две трети, а мне треть!"

И Масрур согласился на это после больших колебаний, а затем ибн аль-Кариби вышел с ним, и, придя к повелителю правоверных, он приветствовал его, как приветствуют халифов, и встал перед ним. И повелитель правоверных сказал ему: "Если ты меня не рассмешишь, я ударю тебя этим мешком три раза". Тогда ибн аль-Кариби сказал про себя: "А что может быть от трех ударов этим мешком, если даже удары бича меня не терзают?" (А он думал, что мешок пустой.)

И затем он повел речи, которые могут рассмешить разгневанного, и стал рассказывать всякие смешные вещи, но повелитель правоверных не засмеялся и не улыбнулся. И тогда ибн аль-Кариби удивился и почувствовал тоску и испугался, а повелитель правоверных сказал ему: "Теперь ты заслужил удары". И он взял мешок и ударил ибн аль-Кариби один раз (а в мешке было четыре голыша, и каждый голыш весил два ритля), и удар пришелся ему по шее, и он закричал великим криком и вспомнил об условии, которое было у него с Масруром, и сказал: "Прости, о повелитель правоверных! Выслушай от меня два слова". - "Говори, что пришло тебе на ум!" - молвил халиф. И ибн аль-Кариби сказал: "Масрур поставил мне условие, и я сговорился с ним о том, что из милости, которая достанется мне от повелителя правоверных, треть будет мне, а ему две трети, и он согласился на это только после больших стараний. И ты не наградил меня ничем, кроме ударов, и этот удар - моя доля, а два остальных удара - его доля. Я уже получил свою долю, а он - вон он стоит, о повелитель правоверных, - дай ему его долю".

И когда повелитель правоверных услышал его слова, он так рассмеялся, что упал навзничь, и, призвав Мансура, ударил его один раз, и Масрур закричал и сказал: "О повелитель право верных, довольно с меня одной трети, отдай ему две трети..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста первая ночь

Когда же настала четыреста первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур сказал: "О повелитель правоверных, довольно с меня одной трети, отдай ему две трети..."

И халиф стал смеяться над ними и дал каждому по тысяче динаров, и они ушли, радуясь тому, что пожаловал им халиф.